

В.В. Антоновская*

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА 1940-х и 1980-х гг.:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
(на материалах Котласского краеведческого музея
и личных коллекций)

***Аннотация:** В работе представлены результаты сравнительного анализа писем с фронта уроженцев Архангельской области – участников Великой Отечественной и Афганской войн.*

***Ключевые слова:** письма с фронта, Великая Отечественная война, Афганская война*

Анализу фронтовых писем участников Великой Отечественной войны посвящены многочисленные исследования (Т.М. Бондаренко, Б.О. Жучков, А.Ю. Иванов, К.И. Иванов, В.А. Кондратьев, А.П. Минаева, И.Ю. Моисеева, Н.В. Момотова, О.Р. Николаев, О.Е. Хорунжая и др. [1, 73, 74]). Письма анализируются на предмет их информационных возможностей, определяется место писем с фронта в ряду других источников по истории Великой Отечественной войны, проводится их гендерный анализ, рассматриваются «военная этнография» и «эпистолярный этикет».

Афганская война (1979–1989) стала последней войной Советского Союза и последней войной, с которой солдаты массово писали письма домой. В настоящее время отсутствуют полноценные научные исследования, посвящённые изучению фронтовой переписки 1980-х гг. Письма Афганской войны по большей части хранятся в семейных архивах её участников и ещё не являются предметом исследований учёных.

Важность анализа фронтовой переписки отмечается Е.С. Сенявской, по мнению которой, письма являются одним из источников личного происхождения, показывающего психологию личности «человека воюющего» изнутри [75, с. 18].

Целью нашего исследования является выделение общего и особенного во фронтовых письмах 1940-х и 1980-х гг. Выбор темы обусловлен не только новизной проблематики, но и наличием в фондах и архиве Котласского краеведческого музея представительной коллекции писем с фронта 1940-х и 1980-х гг. (более четырёхсот), а также возможностью работы с личными коллекциями писем наших земляков – участников войны в Афганистане.

Участники Афганской войны являются внуками тех, кто защищал нашу страну в Великой Отечественной войне. Сравнительный анализ фронтовых

* Антоновская Виктория Владимировна, кандидат педагогических наук, заведующая отделом педагогики Котласского краеведческого музея, г. Котлас.

писем даёт возможность увидеть изменения, которые произошли в сознании «человека воюющего» на протяжении примерно 40 лет.

Для анализа были выбраны наиболее содержательные тексты: 112 писем участников Великой Отечественной войны (1941–1945) и 128 писем, отправленных из Афганистана (1982–1989). Авторы писем – уроженцы Архангельской области, возраст – 19–29 лет, рядовые и сержанты. Далее письма цитируются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Фронтвые письма 1940-х гг. написаны либо на неразлинованных листах с неровными краями (скорее всего, вырванных из блокнота), либо на разлинованных в линейку или клетку тетрадных листах, иногда с красными полями. Редко встречаются письма на типографских бланках документов (например, письмо И. П. Дементьева на бланке бухгалтерской проводки [14]), шесть писем периода 1943–1945 гг. написаны на специальном бланке воинских отправлений. Писали карандашом, перьевой ручкой с синими или зелёными чернилами. Некоторые фразы в письмах подчёркнуты красным карандашом: как правило, это сообщения о получении государственной награды. На всех письмах стоит отметка «Просмотрено военной цензурой», иногда закрашены строчки о месте нахождения адресанта. 81 письмо свёрнуто треугольником, указаны адресат и отправитель, стоят штампы полевой почты и принимающего почтового отделения.

Фронтвые письма 1980-х написаны на разлинованных в линейку или клетку тетрадных листах, иногда с красными полями. Реже встречаются письма на неразлинованных листах формата А4 и на листах тетрадного формата с рисунком, например, с изображением развевающегося красного знамени и лавровой веткой в верхнем левом углу листа.

Письма из Афганистана отправляли в конвертах. Бесплатные конверты для воинских отправлений имелись в частях в ограниченном количестве, поэтому часто встречается просьба прислать конверты и ручки: *«А то, мама выслала бы конвертов и ручку с пастиком запасным...»* [60], *«Да мам пошлай пожалуйста в конверте конверт Ну как сейчас А то здесь с конвертами большая проблема»* [37]. На всех конвертах стоит штамп полевой почты и принимающего почтового отделения. На трёх конвертах писем имеются надписи, адресованные почтальону части, например: *«Осторожно, фото!»*, *«Цветок, Юрик, осторожно!»*.

Фронтвые письма 1940-х и 1980-х гг. строятся по одной и той же трёхчастной структуре: начальный протокол, основная часть и конечный протокол. Письма начинаются с обращения к адресату (индивидуальному или коллективному). Участники Великой Отечественной войны, следуя крестьянским традициям, близких именуют с указанием степени родства, себя представляют с обозначением семейного статуса, в обращениях часто используют прилагательные «многоуважаемые», «дорогие»: *«Привет Мно-*

го уважаемой и глубоко уважаемой супруге Екатерине Константиновне милым дорогим синочкам Виктору Михайловичу Анатолию Михайловичу от вашего папы Михаила Степановича» [8], «Привет с фронта жене Валентине Васильевне сыновьям Клавдию Ивановичу Николаю Ивановичу Рудольфу Ивановичу от вашего мужа и папы» [3].

Для писем, отправленных с Великой Отечественной войны, характерны и краткие рифмованные зачины: «Добрый день весёлый час шлю привет для вас» [4], «Крепко целую вас тысячи рас» [19]. М.С. Попов, поздравляя жену и детей с новым 1944 годом, начинает письмо словами: «Как розы всех цветов аляя – алмаз дорожке всех камней лица же вашего милей не нахожжу среди людей» [18].

В связи с переходом к индустриальному обществу традиции аграрного общества с характерными для них жизненными связями, системой образов, со своим миром и языком к 1980-м гг. в значительной мере утрачиваются. В афганских письмах рифмованные зачины не используются, приветствия начинаются со слов «Здравствуйте» и «Добрый день!»: «Здравствуйте все мои родные и близкие: Мама, Папа, Андрюшка, Оля, Бабушки и Дедушка с Дядей» [35], «Добрый день или вечер! Здравствуйте мои дорогие Мамочка, Морозы и все кто есть дома» [50].

В следующей части начального протокола письма адресанты передают многочисленные приветы, снабжённые «военными» эпитетами. В письмах 1940-х гг. эта часть, как правило, начинается словом «шлю»: «Шлю я вам свой горячий красноармейский привет» [24], «Шлю я вам свай сирдечной привет и горячий поцелуй описываю вам асваей жизни» [6]. Часто встречаются пропагандистские клише: «Привет вам из фронта! От гвардейцев минометчиков грозного оружия для немецких захватчиков» [26].

Приветственная часть в некоторых случаях достаточно объёмная, ибо перечисляются все члены семьи и знакомые: «...а так же передайте привет всем знакомым и особенно кузнецам двум Петрам которых отдельно не указывал» [3]. Передача многочисленных приветов может быть перенесена и в конечный протокол письма: «Передай привет всем родным и знакомым, а главное Дяде Мише, всем тетям Бабушке и Парасковье Ларионовне Вместе переживающие горе войны» [32]. Авторы писем стараются максимально подробно перечислить своих близких, знакомых, а иногда и незнакомых: передаются приветы и «тому кто будет читать это письмо для тебя» [29], и «всем тем кто мил» [18].

Иногда складывается ошибочное впечатление о неинформативности некоторых фронтовых писем, полностью состоящих из этикетных формул: приветствий, поклонов родным и знакомым, пожеланий здоровья и прощаний. Владимир Дернов пишет маме из Афганистана: «Тебе уже наверно и не интересно читать всё одно и то же. Даже наверно когда письмо

приходит ты не раскрывая знаешь чего там написано» [45]. Однако в таких письмах передаётся информация другого рода: они являются весточками, что солдат жив, что он сохраняет связь с семьёй и земляками, помнит о каждом, думает и переживает о близких.

В письмах 1980-х гг. приветственная часть значительно сократилась, к этикетным формулам добавилась географическая локализация: *«Привет из Афгана!» [46], «С огромным интернациональным приветом с высоких гор Саланга я, Владимир» [50]. Отметим, что топонимы редко встречаются во фронтовых письмах Великой Отечественной войны по причине цензурных ограничений. Приветы родственникам и знакомым в афганских письмах перенесены в конечный протокол письма, часто используется обобщённая формула «привет всем, всем»: «...передавайте всем, всем привет» [45].*

Далее авторы и 1940-х, и 1980-х благодарят родных за полученные письма. Леонид Терехов в 1942 г. пишет: *«Сообщаю что я вчера письмо от Вали и Шуры, а по завчера от Гены и Васи из колхоза за которые очень благодарен» [52]. Благодарности фронтовиков 1980-х похожи: «Вот получил от вас сразу 3и письма. Огромное спасибо за это» [17], «Сегодня у нас был большой праздник Получили письма из дому» [42].*

В следующих предложениях адресанты извиняются за задержку ответов и предвосхищают реакцию адресата. Невозможность сразу ответить на письма из дома солдаты и Великой Отечественной, и Афганской войн объясняют одинаково: *«..одно время я написал писем потому что нет время всю время находимся в боях и в маршах» [11], «Извините, что долго не писал, может быть не верите, как приходится здесь. Был всё время в походах и боях» [22], «Всё летаем на вертолётах взад-вперёд, некогда писать» [53], «Прежде всего хочу извеница, что так долго не писал. Но я думаю и даже не сомневаюсь что ты меня прекрасно понимаешь и не обижаешься» [47].*

Иногда причиной задержки ответа были не боевые действия, а отсутствие ярких событий и обыденность службы: *«Ты уж меня мам извени но я действительно не знаю чего писать» [45]. Однообразие фронтовой повседневности, выполнение однотипных служебных обязанностей, элементарная скука в период между боевыми действиями – это проблемы участников любой войны. Так, например, почти все авторы афганских писем отмечают, что «...на войне здорово, а самое главное быстро летит время, а это лучше чем сидеть в роте» [58].*

Основная часть в большинстве случаев начинается с обозначения места и/или времени написания письма. В письмах 1940-х читаем: *«...пишу письмо вокопе на прекрасном большом поле где посеяно много разных культур» [3], «...пишу письмо в 3 часа дня в лесу лежа но в том лесу ягод нет и грибов тоже» [28], в письмах 1980-х: «вот стою дневальным по роте,*

время 5.36 утра, скоро надо кричать “Рота, подьём!”, это самое неприятное в армии» [59].

Адресанты и 1940-х, и 1980-х активно используют формулу «жив-здоров», типичную для описания фронтовой жизни и отражающую общие переживания военного времени. Однако авторы 1940-х гг., как правило, добавляют наречие «пока» или литературные обороты «в настоящий момент», «в настоящее время»: *«теперь спешу сообщить о себе пока что жив и здоров»* [3], *«Я в настоящее время нахожусь жив и здоров служу своей матери родины»* [8]. Авторы 1980-х, более уверенные, что с ними ничего плохого на войне случиться не может, уточнение «пока» не используют: *«У меня всё хорошо, жив, здоров, чего и вам желаю»* [56], *«я жив и здоров не болею и не кашляю»* [46].

Разница в применении эпистолярной формулы «жив-здоров», на наш взгляд, может быть объяснена различием в картине мироустройства представителей разных поколений и разной частотой встреч со смертью во время Великой Отечественной и Афганской войн. Несмотря на то, что участники Великой Отечественной войны в большинстве своём воспитывались в духе атеизма, традиционная религиозная система ценностей составляла основу их мировоззрения. Для того чтобы «разгрузить» психику в период колоссального напряжения на войне, солдаты вверяют свою жизнь высшим силам, хотя и не отражают это в письмах напрямую. Участники Афганской войны учились и воспитывались в советской школе, поэтому их картина мира разительно отличается от картины мира фронтовиков 1940-х гг., религиозная составляющая в ней минимальна.

Кроме того, за четыре года Великой Отечественной войны страна потеряла 26,6 миллионов советских граждан, а за девять лет Афганской войны безвозвратные потери составили около 14,5 тысяч человек [75, с. 36–38]. Участники Великой Отечественной войны встречались со смертью своих товарищей гораздо чаще, чем участники войны в Афганистане. Отсюда и осторожное отношение к планам на будущее: *«родились в революцию и может придётсЯ сложить голову за свой народ»* [33].

В основной части письма содержится наиболее значимая для адресанта информация, выражаются эмоции и чувства, излагаются просьбы и пожелания. Анализ содержания фронтовых писем 1940-х и 1980-х гг. показывает, что фронтовиков волновали одни и те же вопросы. В письмах отражаются природно-климатические особенности места службы, как правило, они сравниваются с родными местами. Преобладает описание деталей фронтового быта, иногда даются характеристики боевых товарищей, командиров, взаимоотношений между ними. Значительную часть занимают воспоминания о доме и близких, мечты о возвращении со службы. Встречаются

рассуждения патриотического характера, размышления о воинском долге. Редко встречаются описания собственно боевых действий.

Война надолго вырывала людей из привычной, мирной, домашней обстановки. Многие из них впервые увидели другие края и даже страны. И, конечно, хотелось разделить эмоции с теми, кто остался дома, передать впечатления. Мы видим это и в письмах 1940-х, и в письмах 1980-х гг.: *«...поля здесь очень большие и ровные невидишь конца земля больше чернозем, домики каменные крыты железом или соломой посмотрелся какой вид просо, то есть пшено, чечевицу и другие которых у нас нет»* [3], *«Посмотрел на Кабул, есть и 5ти этажные дома, проезжали по окраине. Женщины многие ходят в белой такой парандже, бачата (дети) хорошо разговаривают по русски стоит только остановиться как они облепят весь бронетранспортёр и просят купить у них всякую всячину»* [59].

Стоит отметить, что Афганская война, несмотря на локальный характер, оказалась самой длительной в российской истории XX века. Сложность проведения военных действий определялась горно-пустынной местностью и жарким климатом страны, совершенно непривычным для многих наших солдат. Ведению такой войны пришлось учиться в прямом смысле слова в боевых условиях. Горный рельеф, жара, частые ветры и пыльные бури, ограниченность источников воды, резкие перепады между дневной и ночной температурами (доходившие до 50 градусов), незнакомый менталитет местного населения – всё это значительно утяжеляло пребывание наших солдат в Афганистане. Естественно, что особенности службы в другой стране нашли отражение и в письмах на родину: *«...наш северный лес постоянно меняет свои краски а тут всего два цвета горы либо белые либо серые»* [41], *«А те мои цветочки пахнут пылью, как и всё остальное в Афгане. Знаешь, сколько здесь пыли! И всё здесь постоянно под слоем пыли. Хоть вытирай её каждые полчаса. Всё равно»* [17].

Большое впечатление на северян производили горы: *«Ходили два дня назад в горы, впервые я их увидел так близко»* [56], *«Да к стати хоть и говорица что по облакам нельзя ходить, а нам здесь приходица»* [44]. В описании же деталей фронтового быта можно выделить несколько основных сюжетов: жильё и повседневная фронтовая обстановка, солдатский рацион, денежное довольствие.

В письмах 1940-х читаем: *«...находимся все время в лесу под открытым небом уже скоро год не видали никакого населения только скалы, горы и... озера больше ничего погода стоит хорошая но сама знаешь на севере днем тепло ночью зябнут ноги холодно»* [23], *«Сейчас стоим на отдыхе, в одном из городов нашей советской Эстонии живем хорошо есть электросвет и даже радио первый раз отдыхаем в таких условиях конечно были землянки или палатки но большинство под открытым небом, конечно нам*

это дело привычно и как будто так и нужно. Война все трудности нужно переживать» [27].

Фронтовой быт в боевых условиях за 40 лет практически не изменился. На Афганской войне тоже были ночёвки в палатках, в горах под открытым небом, в боевой технике: «...на боевые выдают валенки и ватные штаны, шапка, бушлат и много-много всякой мелочи» [58]. В полку жили в модулях – одноэтажных щитовых домиках: «Живём мы в одноэтажных казармах, отопление водяное, всё кругом напоминает как в колхозе, асфальта нет» [58], «...представь себе казарму ну как би квартирный дом» [46]. Описывают солдаты и военную повседневность: «День ходим в наряды, день отдыхаем. Каждый четверг ходим в баню. Баня здесь отличная можно сказать со всеми условиями. И душ есть и даже маленький бассейн» [43].

Важной частью в описании фронтового быта является солдатский рацион. О нём пишут и в 1940-х, и в 1980-х гг.: «...живу ничего с питанием дело обстоит лучше дают фронтовой паёк Варим сами» [2], «7 числа получили подарки от уральцев сушки сухари пичени и много другое предметов за которым мы очень благодарим» [7], «По утрам едим молочный суп с кашей, пьём кофе. Уже чувствую набрал свой вес, который потерял в учебке» [43].

В Афганистане во время боевых операций комбатанты получали усиленное питание: «Каждое утро молочный суп, каша и т. п. А вот когда ездили в Кабул, колонну сопровождали, то выдавали сух. пайки, то там есть и шоколад и молоко сгущённое, мясо в консервах, сахар, чай, соль, суп сухой в пакете» [62].

Нелегально купить продукты или обменять их на что-либо военнослужащие могли в небольших торговых лавках – дуканах, кантинах: «Здесь в кантинах (магазины) часные вдоль дороги стоят, там где дорога проходит через кишлак уже продают яблоки, абрикосы, есть и арбузы (прошлогодние), помидоры» [68].

В магазинах Военторга покупали и недоступные в СССР продукты: импортное печенье, газированный апельсиновый напиток «Sisi», джемы и др.: «Катюше высылаю гостинец, лично ей, это печенье такое у нас в магазине продаётся, кекс “Альберт”, такая пачка стоит 25 копеек. У нас из этого печенья делают торты (армейские), сами делаем» [64].

За несколько месяцев до вывода войск из Афганистана питание военнослужащих ухудшилось: «Только кормить нас стали хуже, чем раньше. Т.к. сюда больше ничего не завозят, а опустошают все склады и кормят тем, что раньше не разобрали это ячневой кашей, которую никто не ест» [17].

Во время Великой Отечественной войны на государственном уровне были узаконены и официально введены в ежедневное снабжение личного состава на передовой «наркомовские сто грамм» спиртного. Об этом мы

читаем и в письмах фронтовиков: «...наряду с холодом мы уже одеваемся по зимнему с I/X-41 получили шапки теплые и рукавицы теплое белье и т. д. и тому же для обогрева сегодня уже дали по 100 г» [3], «Здоровье мое на отлично обуто и адеты очин тепло питанья хорошея варашиловскую норму 100 грам получаем каждый день» [5], «...праздник проводили в бою дали водочки по двести грамм смазать горлышко» [30].

Во время Афганской войны ничего подобного не было. Алкоголь в Афганистане можно было приобрести только контрабандным путём. Однако в этой восточной стране было распространено снятие стресса другим способом – с помощью растительных наркотиков, которые легко можно было выменять у местного населения, например, на алюминиевую ложку, тарелку, котелок или гаечные ключи. Такой способ был непривычным для наших земляков: «Афганцы в кишлаках сажают очень много мака, зачем – непонятно, зато красиво, такие поля небольшие, как ковёр, белые маки, красные в перемешку» [65].

Жаркий афганский климат, проблемы с водоснабжением и соблюдением санитарно-гигиенических норм приводили к массовым заболеваниям: «Здесь летом много всякой заразы “летает”: гепатит, тиф, малярия, даже есть холера, а на боевых, там очень плохие санитарные условия, а по молодухе вечно с грязными руками ходишь, во первых – мыть негде, во 2х некогда» [72].

Следующая тема в описании фронтового быта – денежное довольствие. Фронтовики 1940-х гг. деньги, как правило, отправляли домой: «Я послал вам денег в ноябре месяце 350 руб и 26/XII 650 руб потому что мне ими нечего делать а вам может быть годятся» [6], «Зарплату получил 600 руб в м-ц да полевые 150 руб, итого 750 руб. Денег при себе не держу лишь только на членские взносы, остальные посылаю переводом домой» [21].

В Афганистане денежное довольствие солдаты получали «чеками»: «С 1го июля солдатам в ДРА будут выдавать не 7 руб, как рядовому будет – 23 чека, это самое меньшее, ну и сержантам побольше, всех выше командирам боевых машин, и чеки пойдут с красной полосой, на них уже в Союзе в чековых магазинах ничего не купишь, действительны только на территории ДРА» [67].

Чеками можно было расплатиться в магазинах Военторга на территории полка, а также военнослужащие нелегально продавали местному населению за валюту (афгани) какие-либо бытовые алюминиевые или железные предметы: «Дошли ли до вас деньги Афганские я высылал 20 афошек, думаю, что всё же интересно вам посмотреть» [72]. На местные деньги в кантинах можно было купить самые разнообразные товары, однако посещать их военнослужащим не разрешалось из-за риска попасть в плен:

«Я тут Наташе парфюмерию достал, китайского производства, мазаться, краситься, душиться и т.д. и т.п. Чего в ней только нет: и духи, и веки красить, ногти, губы – целая куча цветов, ресницы тоже красить, короче, вещь интересная и красивая...» [63].

Во фронтовых письмах и 1940-х, и 1980-х гг. нечасто встречаются повествовательные фрагменты, посвящённые непосредственно боевым действиям. Нежелание говорить о войне нельзя объяснить только цензурными ограничениями. Фронтовики не стремятся описывать войну, поскольку именно в письмах они могут окунуться в прежнюю, невоенную жизнь, уйти от роли «человека воюющего» к мирным ролям отца, мужа, сына, брата.

Адресанты 1940-х в этой части письма, как правило, используют пропагандистские клише: *«Мы за 2 года научились воевать и бить немцев за все слёзы русского народа» [22]*, иногда цитируют фронтовые сводки: *«...по лесам и болотам наша часть первая вышла на государственную границу 1941 года – 21 июля около 5 часов утра и приняв бой 22 июля в 5 часов вечера перешла государственную границу и углубилась на территорию Финляндии до 10 км заняв при этом 6 населенных пунктов» [20]*. Активное использование идеологических клише в эпистолярном творчестве фронтовиков 1940-х гг. является одним из показателей эффективности государственной пропаганды.

Участники Афганской войны обладали большей свободой в описании боевых действий: *«Полк – боевой, постоянно воюющий, примерно раз в месяц летом ходит на войну (боевые действия). А зимой редко. Продолжительность войны может превышать 45 суток» [58]*, *«Басмачи гадские, когда сопровождаешь советскую колонну, то каждый раз обстреливают, а когда сопровождаешь афганскую, то всё спокойно, а при советской и мины ставят... Видал как разминируют, как взлетают на них. В общем повидал кое-что и убитых, и раненых» [34]*.

Меняется на войне и отношение человека к смерти. Вера в иррациональные силы, солдатский фатализм выполняют роль психологической защиты для человека в экстремальной ситуации. Вот как об этом пишут солдаты Великой Отечественной войны: *«а в настоящее время моя такая жизнь смерть может наступить каждую минуту» [23]*, *«...у миня ранило уже 2 лошади 3 числа то же Если остался жив сам незнаю какими судьбами снаряд взорвался от миня в 1 метр миня и коня засыпало зимлей но ничего ни повредила может быть как нибудь дамотаем до конца» [13]*. Война рассматривается ими как поворот судьбы: *«...что поделаешь такая моя судьба» [23]*, а победа – прежде всего как возможность вернуться домой: *«недалёк тот час что паразит Гитлер получит окончательный разгром и если останусь живой то в скором времени встретимся с вами» [23]*.

В Афганистане вчерашним школьникам, даже не предполагавшим, что в их жизни будет война, тоже пришлось сталкиваться со смертью, с гибелью товарищей. Отчётливое понимание, что жизнь может оборваться в любой момент, находит отражение и в письмах: *«Итог войны: потери больше 5 убитых и около 40 раненых, 2е из пяти погибли от ран, это только в нашем полку, а если взять весь ограниченный контингент. Гибнут наши ребята. Перед войной разговаривал, видел его, а сейчас его уже нет даже не верится, а ему этой весной домой ехать надо было»* [66].

Великая Отечественная война для Советского Союза была оборонительной и справедливой. Враг нарушил привычный уклад жизни, разлучил семьи, поэтому образ противника в письмах подчёркивается эпитетами «заклятый», «гнилой», «ненавистный», «паразит Гитлер», «двуногий зверь»: *«гнилая гитлеровская машина на все способна»* [26], *«враг в настоящее время стал атхадить почувствовал удары Нашей любимой Красной Армии удары враг дрогнул навсех франтах и бросается впанику начинает бежать, думаю что в скором будущем Наша Красная Армия разабет наглого врага доконца»* [5], *«гад проклятый, когда отступает все деревни сжигает»* [22].

Задача воюющего человека 1940-х гг. – освободить родную землю. По мнению Е.С. Сеньявской, «Ненависть к врагу и жажда мести были естественной основой политической работы и пропаганды в Красной Армии» [75, с. 241]. Формируемые официальной идеологией героические символы, выраженные, в том числе, и в идеологических штампах, совпали с образами, самостоятельно возникшими в народном сознании во время Великой Отечественной войны. В письмах фронтовиков земля «Священная», «наша», и мы видим, что пропагандистские задачи совпадают с внутренним настроем защитников Родины: *«...уже доходит год как м сражаемся с ненавистным врагом фашизмом м видим что он ослап очнь здорова нето ему продвигатся вперед м его и назат типеря нипускаим беем ева как бешною собака кругом А он сидит у нас вмешку и воет рад бы откачатся от нашей зимли да типеря м уж ева похороним здесь чтоб больше не повадно было и другим»* [9]; *«...от нас страна ждёт Скорее освобождения Великово Города Ленина это будет выполнена нами пока не добием немецких паразитов мы ни одного сволоча не должно оставит на нашей Священной Земле победа за нами»* [15].

Война в Афганистане велась на чужой территории: *«Вот пишу вам уже второе письмо с чужой земли»* [56]. Повстанческие группы моджахедов, поддерживаемые США, сражались против Советской Армии и правительственных войск Афганистана. Это была партизанская война с непонятным противником, без чётко определённой линии фронта: *«Мама, какие здесь могут быть увольнения, если кругом бандиты»* [58], *«Мы здесь больше узнали за 1 день, чем за 6 месяцев учебки. Продолжаю семейную,*

как говорится, традицию. Дедушка воевал, дак он знает каково. Только он знал и видел, откуда наступление и откуда будут стрелять по нему, а здесь не знаешь, откуда будет выстрел – кругом горы, и душманы действуют скрытно» [35].

В Советском Союзе информация об Афганской войне замалчивалась. Многие солдаты не сразу сообщали родным, что они служат в Афганистане, не хотели их волновать: «Да, вот уже полтора месяца я топчу землю Афганистана и не жалею об этом. О том, что я попаду в ДРА я узнал ещё в Ленинграде, когда мы сидели 3е суток на пересыльном пункте, но решил сразу вас не беспокоить и всю учебку молчал об этом. Я бы мог конечно написать вам что я в Монголии или ещё где-нибудь (у нас есть такие ребята), но я думаю что всё же лучше правда какая бы она ни была» [58], «Да мам я знаю как страшит вас это слово Афганистан. Но поймите ведь кто то должен там служить и если уж выпала нам эта доля То вам надо как то смирица а нашим молодым ребятам выполнить свой долг» [39].

Фронтовики и 1940-х, и 1980-х с гордостью делятся с близкими и радостью от получения наград: «..находясь в боях и взятии города Шепетовка и где тоже был ранет Был на излечении и обратно вернулся в строй за што партия и правительство наградило меня медалью “За боевые заслуги”» [24], «На день Конституции СССР всему нашему личному составу вручат Афганские медали это уже будет 2 моя медаль» [51].

Тоска по дому, желание увидеть близких одинаково остро отражаются в письмах и 1940-х, и 1980-х гг.: «Мама у вас наверно уже дома поспели овощи в огороде и вы их копаете. И мне тоже охота покушать свежую картошку с огурчиками. Ну это ничего, скоро война кончится, вернусь тогда поем досыта. А вы за меня скушайте по большой картошине» [52], «Ночевали в Кабуле когда ехали вперёд. А в километрах 2-3 вдали стояло несколько 5ти этажных домов, когда стемнело, то там зажглись окна, сразу тоже вспомнился Котлас, как я уже давно не видел этого, ужасно соскучился. Сразу захотелось хотя бы войти в подъезд такого дома и просто постоять, посмотреть, но это было конечно же невозможно, только душу растравил» [70].

Адресанты одинаково жалуются и на усталость от фронтовых будней: «...пока ничива незнаю что будит дальше скоро кончим или нет токою мучение или же нескоро как ета всем надоела» [10], «...горы уже поднадоели своим однообразием» [41], «Уже чувствую, что очень устал морально за эти полтора года, нервов много уходит в этом зоопарке» [71].

Обязательной частью фронтовых писем являются вопросы про дом, желание узнать новости из родных мест. Это даёт возможность погрузиться в привычную мирную атмосферу, хоть ненадолго вырваться из фронтовой обстановки. Следует отметить, что спектр вопросов о доме в письмах

1940-х и 1980-х гг. разительно отличается. Связано это, на наш взгляд, с тем, что на Афганскую войну уходили солдаты срочной службы, совсем недавно окончившие школу или училище и в большинстве своём не успевшие образовать собственные семьи и обзавестись детьми.

В письмах фронтовиков 1940-х читаем: *«Доит ли корова сколько у нас трудодней и сколько я заработал. Почему татка дров не навозил. Кто теперь председатель колхоза. Смотри сколько жизненных вопросов, и на все вопросы мне ответьте»* [2], *«Много у вас хлеба? Сена? Очень мало пишете, меня это не удовлетворяет»* [16]. У комбатантов 1980-х спектр вопросов другой: *«Построили на Урицкого Фабрику Кухню или нет, обещали по моему сдать в декабре 1986 года? Если построили то как она?»* [60], *«..как там дома, я слышал, что перестройка уже и до нас дошла. Как её воспринимают и что изменилось»* [48].

Соответственно разными были и указания родным, а также советы по поводу практических дел семьи: *«...дарагие мое детки я прошу вас чтоб вы работали и учились работать только хорошо кто хорошо работает на своих работах тому визде хорашо теми начальство даражить»* [11], *«...я выслал вам еще денег 300 рублей на ваши нужды получите эти деньги заготовливай сямья и сторайся посеять огород»* [8]. В письмах 1980-х мы видим многочисленные просьбы прислать адреса друзей, призванных в армию, выслать фотографии, подробнее рассказывать о том, что происходит дома: *«Да, мам узнай пожалуйста его адрес если конечно он уже написал домой и вышли»* [48], *«Папа, если есть ещё фотографии сделанные, то вышли»* [61], *«Мопед завести нужно, а то я его не разобрал совсем, зачихнет там без меня или хотя бы свечку приотдать маленько»* [54].

Однако можно выделить два момента, повторяющихся в указаниях фронтовиков 1940-х и 1980-х: 1) необходимость физической подготовки для службы в армии: *«Клавдик каждое утро и вечер делай физкультуру, научи и потребуй от Коли и Рудика»* [4], *«Так что Санёк занимайся спортом как я. Знаешь как мне помогает это особенно первые месяцы моей службы»* [38] и 2) заботу о музыкальных инструментах, оставленных дома: *«Теперь опиши где стоит и в каком состоянии моя гармошка, наверно Анатолий берет, или нет на вечерку»* [31], *«ослабьте струны на гитаре, а то нельзя их в натяжку без работы держать. По гитаре я тоже соскучился, здесь дёргал её всего 2 раза, всё сержанты у себя гитару держат»* [55].

Несмотря на разный жизненный опыт, полученный к началу войны, практически во всех фронтовых письмах мы видим заботу о родных: *«Настя я выслал вам 350 р. денег на нужды ребят»* [11], *«Мам на счёт дров то ты как мать воина интернационалиста должна пользоваться льготами и в праве требовать»* [42].

Абсолютное большинство фронтовиков 1980-х составляла молодёжь, вчерашние школьники: «Скоро 1е сентября уже 3е первое сентября как я не пойду в школу. А как хотелось бы» [49], «Как вспомню тоже эту пору, осень, всё красивое, яркое на деревьях, так и хочется снова попасть в школьные годы» [69]. Школьная тема отсутствует во фронтовых письмах 1940-х, исключения составляют наказания детям учиться хорошо: «Прошу дорогие работать лучше помогать маме и учиться в 44 году только на отлично» [18].

Фронтовики Великой Отечественной не знали, сколько продлится война и когда они вернутся домой. Солдаты Афганской войны практически в каждом письме отмечали, сколько дней осталось до демобилизации. Количество дней до дембеля выделялось жирным шрифтом, обводилось в кружочек, выделялось восклицательными знаками: «Скоро буду дома через год» [53], «...совсем немножко осталось лишь 532 дня» [41]. Ожидание демобилизации отражалось и в солдатском фольклоре: «Масло съел и день прошол, а день прошол так ближе дембель» [48], «Что не день то ближе к дембелю» [50].

Ситуация возвращения домой часто проигрывалась в мыслях и отражалась в письмах: «Но придет то время когда на родной станции сойдем с зелененького вагончика, в серой своей шинели и пойдем по знакомым дорошкам в дали голубеет крыльцо» [31], «...я иногда сижу и думаю, как будто я слез с поезда на Котлас-Узле и домой иду через лес на поляне, подхожу к дому, вас нет на улице, стучу, не открывает никто, залезаю через форточку, включаю телевизор и жду вас всех» [36], «Сегодня ночью мне сон приснился, что то в виде того, что я домой приехал, и подхожу к двери нашей № 50 только почему то я был в гражданке, а не в форме» [61].

В письма и с Великой Отечественной, и с Афганской войны иногда вкладывались фотографии с наказом родным сохранить память о службе: «Я рад, что получили мою фото, эта фото последнего изделия, т.е. весны 1943 года» [25], «Посылаю вам первую фотографию с нового места... Все фотки какие я высылал ложите в альбом, чтобы они сохранились до моего прихода и была память о службе» [57].

Заключительная часть фронтовых писем состоит из нескольких пунктов, среди которых обязательно присутствует просьба писать письма: «Дальше прошу вас писать чаще адрес до победы будет один, описывайти все новости о себе т.е. достижения или успехи и ухудшения в жизни» [3], «А теперь мамаша прошу описать как вы живете и как ваше здоровье и какая урожая, всё прошу описать и к тому же ещё как относятся к вам колхозники всё описывайте» [14], «Наташа напиши лучше письмо с описью дворовой жизни, введи меня в курс дела» [60].

Формулы прощания и в 1940-е, и в 1980-е практически идентичны: *«К сему ваш муж и папа И. Выдряков»* [3], *«Ваш сын, брат, внук гвардии рядовой Александр Шалев»* [56], но в письмах 1940-х вновь встречаются краткие рифмовки: *«Заочно крепко целую всех вас. Ещё бы рас да нету вазле вас»* [12].

Таким образом, фронтовые письма 1940-х и 1980-х гг. содержат одинаковый перечень основных вопросов, которые волнуют солдата в боевой обстановке. Значимость пунктов этого перечня и порядок изложения может меняться в зависимости от конкретных условий войны и личности адресанта.

Письма имеют практически идентичную трёхчастную структуру, отличаясь по стилистике и грамотности, что объясняется разным жизненным опытом комбатантов и разным уровнем образования. Характерное для писем 1940-х гг. наличие фольклорных формул и незначительное их присутствие в письмах 1980-х, вербальные формы выражения солдатского фатализма связаны со сменой стереотипов сознания в связи с переходом от традиционного аграрного общества к индустриальному.

Сюжеты в описании фронтового быта одинаковы, комбатанты и 1940-х, и 1980-х гг. рассказывают в письмах об условиях жизни и военной повседневности, о солдатском рационе и денежном довольствии. Специфика описаний разнится в зависимости от условий конкретной войны.

В описании непосредственно боевых действий фронтовики немногословны. В письмах 1940-х основной мотив этой части – освобождение родной земли от ненавистного врага. Изобилие идеологических штампов свидетельствует об эффективности пропаганды во время Великой Отечественной войны и совпадении официальных и неофициальных, народных героических символов.

Солдаты 1980-х *«оказывают интернациональную помощь афганскому народу в защите завоеваний апрельской революции»* [40], воюют на чужой земле с представителями непонятной для них мусульманской культуры в условиях, когда нет чёткой границы между моджахедами и гражданским населением. Военные действия рассматриваются как выполнение боевых задач.

Война требует от человека максимального напряжения физических и моральных сил, и в этих условиях наиболее ярко проявляются сложные механизмы человеческой психологии, нивелируются различия между представителями разных поколений. На первый план выступает глубинное, а рациональное тесно переплетается с иррациональным. Как отмечает Е. С. Сенявская: *«однотипные ситуации вызывают соответствующие реакции на них, в чём, собственно, и проявляется единство законов психологии»* [75, с. 82].

В экстремальных условиях войны, когда меняется отношение к ценности жизни, когда нужно делать выбор между своими и чужими, когда усталость переплетается с тоской по дому и близким, письма с фронта позволяют солдату сохранить человечность.

Источники и литература

1. Иванов, А.Ю. Фронтовые письма XX века как исторический источник: методика анализа / А.Ю. Иванов // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Т. 150. – Кн. 1. – С. 49–54.
2. Котласский краеведческий музей (далее – ККМ). Письмо Вахрамеева И.П. от 03.02.1942. № 19365-12.
3. ККМ. Письмо Выдрякова И. от 07.10.1941. № 1646.
4. ККМ. Почтовая карточка Выдрякова И. от 17.09.1941. № 1647.
5. ККМ. Письмо Грязнова М.В. 1941 г. № 3840-13.
6. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 30.12.1941. № 3840-1.
7. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 10.02.1942. № 3840-3.
8. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 06.03.1942. № 3840-10.
9. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 19.06.1942. № 3840-11.
10. ККМ. Письмо Грязнова М.В. 1943 г. № 3840-9.
11. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 25.01.1944. № 3840-12.
12. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 27.05.1944. № 3840-7.
13. ККМ. Письмо Грязнова М.В. от 10.08.1944. № 3840-5.
14. ККМ. Письмо Дементьева И.П. от 09.10.1943. № 2285.
15. ККМ. Письмо Ердыкова Н.Ф. от 19.08.1943. № 3175.
16. ККМ. Письмо Паламодовой А. от 21.12.1943. № 12992.
17. ККМ. Письмо Петрова Д.Н. 1988 г. № 2071-1.
18. ККМ. Письмо Попова М.С. от 01.01.1944. № 13414-8.
19. ККМ. Письмо Попова М.С. от 14.01.1944. № 13415-8.
20. ККМ. Письмо Стрекаловской М.В. от 23.07.1944. № 3692.
21. ККМ. Письмо Тюшёва Н. от 17.07.1943. № 11500-8.
22. ККМ. Письмо Тюшёва Н. от 28.09.1943. № 11503-8.
23. ККМ. Письмо Ушакова И.И. 1942 г. № 20289.
24. ККМ. Письмо Харионовского А. от 28.06.1944 г. № 1798.
25. ККМ. Письмо Черткова В.Н. от 31.06.1943. № 3182.
26. ККМ. Письмо Шепеля В.С. от 02.05.1942. № 2730.
27. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. 1940-е г. № 9885-7.
28. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 27.08.1943. № 9878-7.
29. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 05.03.1944. № 9880-7.
30. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 10.11.1944. № 9881-7.
31. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. 1945 г. № 9884-7.
32. ККМ. Письмо Щелкунова Н.А. от 14.06.1945. № 9887-7.
33. ККМ. Ф.28. Оп.1. Д.5. Л.48-49 (Письмо А. Гундорова от 18.08.1941).
34. Личный архив Белозёровой И.П. (д. Григорово Котласского района). Письмо Белозёрова С.Ю. от 07.12.1982.

35. Личный архив Белозёровой И.П. (д. Григорово Котласского района). Письмо Белозёрова С.Ю., октябрь 1982.

36. Личный архив Головкиной З.Н. (г. Котлас). Письмо Головкина А.Ю. от 29.04.1984.

37. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас) Письмо Дернова В.Д. от 18.07.1987.

38. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 07.09.1987.

39. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас) Письмо Дернова В.Д. от 15.10.1987.

40. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 19.11.1987.

41. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 28.11.1987.

42. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 06.12.1987.

43. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 29.01.1988.

44. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 07.02.1988.

45. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 08.03.1988.

46. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 01.04.1988.

47. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 10.05.1988.

48. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 11.06.1988.

49. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 12.08.1988.

50. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 17.09.1988.

51. Личный архив Дерновой И.И. (г. Котлас). Письмо Дернова В.Д. от 02.10.1988.

52. Личный архив Тереховой Л.Н. (г. Котлас). Письмо Терехова Л.П. от 01.08.1942.

53. Личный архив Халтуринского А.В. (г. Котлас). Письмо Халтуринского А.В. от 10.06.1984.

54. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 19.06.1986.

55. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 04.07.1986.

56. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 28.10.1986.

57. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 08.11.1986.

58. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 05.12.1986.

59. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 13.12.1986.

60. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 07.01.1987.

61. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 10.02.1987.

62. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 20.02.1987.

63. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 16.03.1987.

64. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 29.03.1987.

65. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 22.04.1987.

66. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 26.04.1987.

67. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 14.06.1987.

68. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 21.06.1987.

69. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 07.08.1987.

70. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 25.10.1987.

71. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 02.11.1987.

72. Личный архив Шалевой Е.Л. (г. Котлас). Письмо Шалева А.В. от 07.11.1987.

73. Минаева, А.П. «Много писать мне мешали бои...»: фронтовые записи 1941–1945 годов / А.П. Минаева, О.Р. Николаев. – Москва: Новое издательство, 2005. – 144 с.

74. Моисеева, И.Ю. Фронтовые письма 1941–1945 гг. в гендерном аспекте / И.Ю. Моисеева // Двинская земля. – Вельск: Вельти, 2004. – Вып. 3. – С. 110–119.
75. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. / Е.С. Сенявская. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 347 с.